

Социально-экономическое развитие дальневосточных городов: демографический аспект в современных мастер-планах

Раиса Николаевна Шпакова

Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия
Контакт для переписки: production2003@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено оценке соответствия положений стратегических разделов мастер-планов дальневосточных городов Российской Федерации, имеющих значение для решения демографических проблем макрорегиона, соответствующим положениям действующих документов стратегического планирования, а также выявлению особенностей мастер-планов как стратегических документов с демографической составляющей. Установлено, что стратегическая направленность на увеличение основных демографических показателей, продекларированная в мастер-планах дальневосточных городов, соответствует государственным стратегическим и концептуальным установкам. При отсутствии в мастер-планах прямых мер демографической политики не следует ожидать значительных эффектов в ближайшие годы, а некоторые целевые показатели в отдельных случаях (например, рост ожидаемой продолжительности жизни на 8–9 лет или рост численности населения более чем на 30% в оставшиеся 6 лет реализации планов) представляются завышенными. В массиве предусмотренных в мастер-планах мероприятий имеют место существенные диспропорции по масштабам этих мероприятий и по степени их детализации. Признано целесообразным установить общие правила представления объектов в мастер-планах в случаях привлечения федерального финансирования.

Ключевые слова: мастер-план, Дальний Восток, город, демография, социально-экономическое развитие, стратегическое планирование

Цитирование: Шпакова Р. Н. 2025. Социально-экономическое развитие дальневосточных городов: демографический аспект в современных мастер-планах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 3 (43). С. 159–174. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-159-174>

Поступила 18.02.2025; одобрена 23.05.2025; принята 08.10.2025

Socio-economic development of Far Eastern cities: Demographic aspect in modern master plans

Raisa N. Shpakova✉

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia
Corresponding author: production2003@mail.ru✉

Abstract. The study is devoted to assessing the compliance of the strategic sections provisions of the master plans of the Far Eastern cities in the Russian Federation, which are important for solving the demographic problems of the macroregion, with the relevant provisions of existing strategic planning documents, as well as identifying the features of the master plans as strategic documents with a demographic component. It has been identified that the strategic focus on increasing the main demographic indicators, declared in the master plans of the Far Eastern cities, corresponds to the state strategic and conceptual guidelines. In the absence of direct demographic policy measures in the master plans, no significant effects should be expected in the coming years, and some targets in some cases (for example, an increase in life expectancy by 8–9 years or population growth of more than 30% in the remaining 6 years of the plans' implementation) appear to be overestimated. In the array of events provided for in the master plans, there are significant imbalances in the scale of these events and in the degree of their detail. It is considered advisable to establish general rules for the presentation of objects in master plans in cases of attracting federal funding.

Keywords: master plan, Far East, city, demography, socio-economic development, strategic planning

Citation: Shpakova, R. N. 2025. Socio-economic development of Far Eastern cities: Demographic aspect in modern master plans. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11(3), 159–174. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-159-174>

Received Feb. 18, 2025; Reviewed May 23, 2025; Accepted Oct. 8, 2025

Введение

Стратегические цели социально-экономического развития большинства крупных городов России связаны с повышением качества жизни населения [Фоменко, Арбузова, 2023]. В свою очередь, категория «качество жизни» включает в себя существенную демографическую составляющую. В частности, один из ключевых показателей уровня

и качества жизни — индекс человеческого развития — в механизме своего исчисления содержит такой демографический индикатор, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Это показатель не только общественного здоровья, но и благосостояния населения [Isaacs, Choudhury, 2017]. И общественное здоровье, и благосостояние населения можно, таким образом, определенно отнести к составляющим качества жизни. Второй основной демографический показатель — численность населения — также является одним из факторов, определяющих качество жизни. В частности, снижение численности населения порождает риски экономического спада и сокращения объемов предоставления социальных услуг. Поэтому негативные демографические тенденции, сложившиеся в большинстве регионов Российской Федерации, обоснованно оцениваются в качестве существенного препятствия в достижении стратегических целей повышения качества жизни населения [Кремлев, 2025].

Демографический фактор признан Правительством Российской Федерации одним из основных факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Кроме того, негативные демографические тенденции в дальневосточных регионах оцениваются как несущие риски возникновения угроз для национальной безопасности [Симагин, 2021]. Выработка государственной политики в макрорегионе осложняется тем, что дальневосточные регионы в демографическом плане крайне неоднородны: численность населения варьирует от менее чем 50 тыс. человек (Чукотский автономный округ) до более чем 1 800 тыс. человек (Приморский край), а плотность населения — от 0,07 чел/км² до 11,05 чел/км² в тех же субъектах Российской Федерации соответственно [Бессонов и др., 2024, с. 4].

Мероприятия по созданию благоприятных условий для рождения и воспитания детей, повышению качества жизни в целом, составляют значительную часть в составе мер, предусмотренных Национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Принятые в ряде дальневосточных городов мастер-планы, реализация которых поддержана Президентом и Правительством Российской Федерации, призваны придать дополнительное ускорение социально-экономическому развитию дальневосточного макрорегиона. В связи с относительной новизной данного инструмента, поддержанного на самом высоком уровне государственного управления, целесообразно оценить, в какой мере предусмотренные в его рамках целевые установки и мероприятия соотносятся с уже действующими стратегическими планами и программами, каковы особенности реализации применительно к решению одной из главных проблем Дальнего Востока — демографической. Таким образом, цель исследования — выявление особенностей мастер-планов дальневосточных городов как стратегических документов с демографической составляющей. Объект исследования — демографическая компонента регионального стратегического планирования, предмет исследования — положения стратегических разделов мастер-планов дальневосточных городов и документов стратегического планирования регионального и макрорегионального уровней, касающихся социального развития.

Материалы и методы исследования

В статье использованы положения Концепции демографической политики Дальнего Востока, Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, Государственной программы социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа, долгосрочных планов комплексного развития социально-экономического развития 21 дальневосточного города (мастер-планов), утвержденных двумя распоряжениями Правительства Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития этих городов. В это число вошли 10 региональных центров, 6 городов с населением свыше 50 тыс. человек и 5 городов с численностью населения менее 50 тыс. человек. Реализация мастер-планов рассчитана до 2030 года. Принцип выбора городов, для которых разработаны мастер-планы с федеральной поддержкой, не озвучивался.

В качестве методов исследования применялись статистический метод, метод толкования нормативных актов, сравнительный и формально-логический методы. При сравнении стратегических параметров мастер-планов и стратегий социально-экономического развития приходилось учитывать то обстоятельство, что не во всех случаях целевые показатели мастер-планов могут быть корректно сопоставлены с соответствующими целевыми показателями в стратегиях социально-экономического развития в силу отсутствия единого формата разработки последних. Поэтому на отдельных графиках представлены данные не по всем городам, принятым к исследованию.

Результаты и обсуждение

Мастер-план как комплексный стратегический документ с демографической составляющей

Мастер-планы с самого начала их появления позиционируются инициаторами их внедрения как комплексные стратегические документы, как концептуальные схемы, определяющие будущий рост и развитие городов во всех аспектах [Zaidan, Abulibdeh, 2020], являющиеся «краеугольным камнем городского управления» и играющие «жизненно важную роль в формировании будущей структуры города» [Khadour и др., 2023]. Комплексность данного инструмента планирования нашла свое отражение и в основных методических документах, появившихся в последнее время усилиями различных ведомств и призванных унифицировать целевую функцию мастер-планов и упорядочить процедуру их разработки. Так, в Методических рекомендациях по разработке (корректировке) планов развития муниципальных образований (мастер-планов), разработанных специально для муниципальных образований Дальневосточного федерального округа, утверждается, что мастер-план, являясь частью стратегии социально-экономического развития либо отдельным документом планирования, должен определять направления не только пространственного, но и социально-экономического развития (включая приоритетные инфраструктурные проекты). Аналитическая часть мастер-плана (диагностирование) носит комплексный анализ, призванный сформировать основу для вы-

явления основных проблем развития, вызовов, угроз, рисков и возможностей, а также, в конечном итоге, определить цели и задачи развития муниципального образования.

Комплексный характер разрабатываемых мастер-планов заявлен одной из целей разработки и Национального стандарта мастер-планов. Состояние общества представляется одной из четырех категорий, по которым описываются результаты анализа социально-экономического развития города, предваряющего разработку миссии, целей и основных мероприятий плана городского развития.

Мастер-план, согласно Методическим рекомендациям Минэкономразвития, предназначенным для формирования единого подхода к разработке схем территориального планирования и генеральных планов, — концепция пространственного развития, определяющая приоритеты как пространственного, так и социально-экономического развития.

Переходя непосредственно к демографическим аспектам мастер-планов, необходимо отметить, что в зарубежных концепциях мастер-план должен включать анализ, рекомендации и предложения в отношении не только экономики, транспорта, землепользования на соответствующей территории, но и населения, жилья, общественных объектов [Khadour и др., 2023]. Акцент на демографической составляющей может обозначаться в миссиях и иных целеполагающих элементах мастер-планов.

Отечественные подходы могут быть проиллюстрированы положениями упомянутых выше методических документов. Так, в Методических рекомендациях для дальневосточных городов учет демографической составляющей предполагается не только, как показано выше, в составе комплексного анализа: социальные факторы (наряду с экологическими факторами и принципами устойчивого развития) рекомендуется учитывать при формулировании миссии и целей развития, а перспективы развития человеческого капитала — при разработке сценариев.

В Национальном стандарте мастер-планов рекомендуется в аналитическом разделе рассматривать следующие демографические вопросы: численность населения, половозрастная структура, направления миграционных потоков и прогнозы изменения этих параметров. Цели демографического развития включаются в блок целеполагания. Динамика основных демографических показателей отнесена к ключевым факторам развития города, что требует обязательного учета при построении предполагаемого сценария (сценариев) развития.

В Методических рекомендациях Минэкономразвития анализ демографической ситуации и тенденций ее развития требуется включать в содержание социально-экономического анализа в составе аналитического блока мастер-плана. Наиболее целесообразным полагается использование в качестве индикатора такого показателя, как численность населения муниципального образования на 1 января расчетного года. И в целом при определении потребности в инфраструктурном развитии муниципального образования (в частности, баланса жилья) рекомендовано, наряду с иными показателями, установленными стратегией социально-экономического развития, использовать результаты демографического прогноза.

Таким образом, применительно к процессам планирования городского развития мастер-план представляет собой комплексный стратегический документ, учитывающий,

в числе прочих социально-экономических, и демографические факторы. Необходимо отметить, что разработка мастер-планов не предусмотрена ни действующим градостроительным законодательством, ни законодательством о стратегическом планировании. Целесообразность их внедрения в практику явилась предметом научной и экспертной дискуссии [Герцберг, 2023; Ильина, 2024; Ключевые инструменты..., 2024]. Тем не менее мастер-планы на сегодняшний день продолжают активно внедряться в практику стратегического планирования и градостроительного проектирования, причем в научных публикациях высказываются мнения о том, что демографический фактор является ключевым в мастер-плане [Евсеенкова и др., 2024, с. 62].

Сопоставление демографических параметров мастер-планов с действующими документами стратегического планирования

С учетом установленного федеральным законодательством о стратегическом планировании принципа преемственности и непрерывности, положения мастер-планов, включая демографические, должны опираться на положения федеральных и региональных документов концептуального и стратегического характера. Применительно к макрорегиону Дальнего Востока основным концептуальным документом является Концепция демографической политики Дальнего Востока. Концепция задает основные направления демографического развития для их последующей реализации в стратегических планах и программах.

Все основные направления демографической политики, намеченные в Концепции, можно свести к трем основным:

- повышение рождаемости;
- снижение смертности и, как результат, повышение ожидаемой продолжительности жизни;
- сокращение миграционного оттока с прицелом на миграционный прирост.

Если первые два направления являются наиболее актуальными для подавляющего большинства регионов Российской Федерации, то миграционный фактор приобрел важнейшее значение именно в регионах Дальнего Востока. Доля миграции в общей убыли населения Дальневосточного федерального округа, хотя и снизилась с более чем 80% на конец XX в. до 49% в 2020 г., остается весьма значимой причиной продолжающегося уменьшения населения [Мищук, 2022, с. 151]. При этом в научных исследованиях отмечается, что имеется определенный положительный эффект от применяемых в последние годы инструментов миграционной политики в дальневосточных регионах [Шмидт, Ивашина, 2021; Томских, 2024], а также констатируется появление в отдельные годы (2021, 2023) преобладающей роли естественной убыли населения в общем объеме демографических потерь [Грицко, 2024, с. 128].

В целом в дальневосточном макрорегионе в настоящее время сохраняется отрицательный демографический тренд: за 2023 г. население сократилось на 37,6 тыс. человек. Положительный демографический результат имеет место только в трех субъектах Дальневосточного федерального округа: Республике Саха (Якутия), Чукотском авто-

номном округе и Камчатском крае, причем в первых двух это следствие естественного и миграционного прироста, а в последнем — положительное сальдо миграции, превысившего естественную убыль населения. Общий коэффициент рождаемости за 2023 г. составил 9,7%, что выше среднего по Российской Федерации на 1,0%. Данный результат обеспечили шесть субъектов, в которых коэффициент рождаемости превысил 10%: Республики Бурятия и Якутия, Забайкальский и Камчатский края, Сахалинская область и Чукотский автономный округ. В остальных регионах данный показатель существенно ниже [Грицко, 2024].

В указанной Концепции на стимулирование рождаемости направлен 21 из намеченных пунктов мероприятий, на снижение смертности — 18, на решение миграционных проблем — 17 [Авдеев, Ушакова, 2023, с. 18].

Если исключить из комплекса задач, объединенных в рамках трех вышеуказанных направлений, носящие организационный или финансово-экономический характер, то есть ограничиться решениями, связанными с реализацией различного рода инфраструктурных проектов, то можно выделить следующие направления:

- повышение доступности жилья (улучшения жилищных условий), прежде всего для семей с детьми, молодых семей, молодых специалистов и ученых;
- разработка мер по приближению оказания первой медицинской помощи к местам работы и проживания населения, и в целом повышения доступности и качества медицинской помощи;
- создание условий для ведения здорового образа жизни, в том числе повышение доступности объектов физической культуры и спорта, туризма;
- повышение доступности транспортной и информационной инфраструктуры;
- повышение доступности услуг в сфере образования, расширение условий получения профессионального образования и профессионального обучения с учетом роста привлекаемого в субъекты Дальнего Востока населения из других регионов;
- развитие сети структурных подразделений профессиональных образовательных организаций и организаций высшего образования (включая ведущие государственные университеты) с возможностью применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий;
- обеспечение повышения доступности услуг в сфере культуры.

Здесь необходимо подчеркнуть, что указанный комплекс мер, оцениваемый в целом положительно, в ряде научных публикаций признавался недостаточным для достижения коренного перелома в демографической ситуации в макрорегионе. В частности, к недостаткам относилось отсутствие мер противодействия таким значимым факторам, как дороговизна жизни, отсутствие существенных социально-экономических стимулов [Абрамов и др., 2023; Лада, 2018].

Хотя 2025 г. является годом окончания действия Концепции, демографическая проблематика, на решение которой она направлена, в целом сохраняется достаточно острой, и с большой вероятностью можно предположить, что действие Концепции

будет в основных аспектах пролонгировано. Кроме того, в соответствии с указанными направлениями разработаны ориентированные на решение демографических проблем комплексы мероприятий основных государственных программ развития Дальнего Востока (Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, Государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока, федеральных проектов из структуры Национальных проектов и др.).

В дополнение к указанным документам Президентом Российской Федерации была инициирована разработка долгосрочных планов для интенсификации комплексного социально-экономического развития дальневосточных городов (мастер-планов).

В общей сложности комплексные планы развития дальневосточных городов включают 743 различных мероприятия. Общий объем финансирования — 3,5 трлн рублей. Из них 35% — средства федерального бюджета, 11% — из бюджетов регионов, 54% — из внебюджетных источников.

В мастер-планах, наряду с экономическими проектами, предусмотрены проекты реновации и расширения жилищного фонда, строительства новых и реконструкции действующих социальных объектов, благоустройства территорий и создания новых общественных локаций, модернизации коммунальной и транспортной инфраструктуры, развития туристских и рекреационных зон.

По некоторым оценкам, рост экономики городов — участников рассматриваемой программы составит 45%. Предполагается, что реализация мастер-планов городов ДФО позволит повысить качество жизни 4 млн человек.

Несмотря на то, что основное содержание мастер-планов — комплекс конкретных проектов в различных сферах, в них также содержится и стратегический раздел, представляющий собой набор показателей социально-экономического развития: 1) базовых, по состоянию на 2022 г., и 2) планируемых — на 2026 и 2030 гг.

Среди них есть экономические, социальные, инфраструктурные. Их количество (от 12 до 20) и состав в мастер-планах разных городов может меняться, но 2 демографических показателя включаются в обязательном порядке: численность населения и ожидаемая продолжительность жизни (только в мастер-плане города Северобайкальска вместо ожидаемой продолжительности жизни задействованы показатели уровней рождаемости и смертности в расчете на 1 000 жителей).

Таким образом, в каждом мастер-плане не только сформирован комплекс проектов, но и определены стратегические ориентиры по важнейшим социально-экономическим направлениям развития, очевидно, с учетом предполагаемой результативности мероприятий, предусмотренных данным мастер-планом.

Состав городов — участников рассматриваемого проекта крайне различен: от небольших городов с количеством населения менее 50 тыс. человек (Большой Камень, Тында, Северобайкальск, Арсеньев, Свободный) до относительно крупных городских агломераций типа Владивостокской с численностью населения свыше 800 тыс. человек. Соответственно, мастер-планы существенно различаются по количеству и масштабам содержащихся в них мероприятий.

Необходимо отметить, что в мастер-планах не содержится прямых специальных демографических мер, направленных непосредственно на поддержку рождаемости, регулированию миграционных процессов и т. п. Демографический аспект здесь выражается косвенным влиянием мер социальной политики: расширения и совершенствования базы здравоохранения и рекреации, предполагаемого улучшения в ряде случаев экологической ситуации, повышения уровня благосостояния жителей и др. Для дальневосточного макрорегиона характерно также существенное значение фактора транспортной доступности, что актуализирует развитие соответствующей инфраструктуры [Латкин, 2024]. Влияние такого рода факторов имеет, как правило, отложенный эффект, и ожидать его существенной результативности непосредственно в ближайшие годы вряд ли следует [Пуртова, 2018].

В целом же разработчиками мастер-планов планируются следующие изменения демографической ситуации в городах — участниках программы.

На рис. 1 приведена динамика изменения численности населения городов за период 2022–2030 гг. Как видно на представленной диаграмме, имеет место очень пестрая картина планируемой динамики увеличения численности населения.

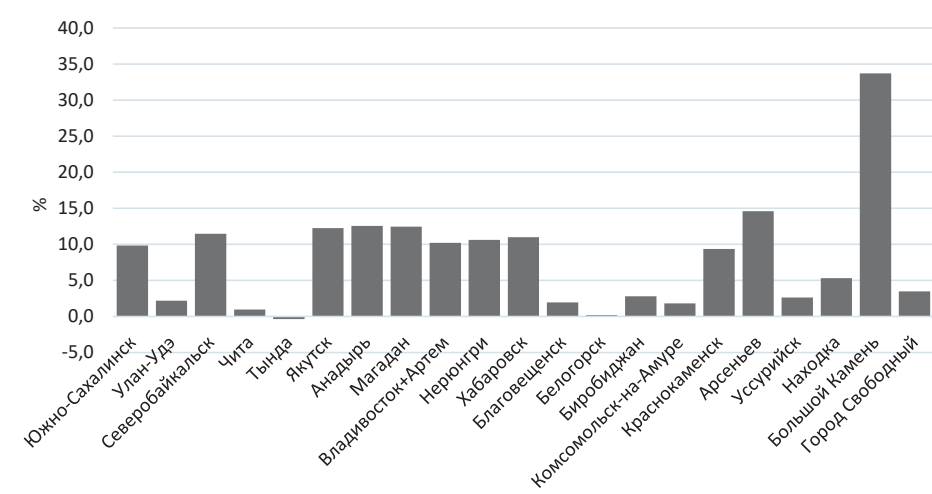

Рис. 1. Динамика планируемого изменения среднегодовой численности населения за период 2022–2030 гг. (в % к базовому значению 2022 г.)

Источник: здесь и далее построено автором.

Fig. 1. Dynamics of the planned change in the average annual population for the period of 2022–2030 (as a percentage of the base value of 2022)

Source: compiled by the author here and below.

Наиболее оптимистично настроено руководство города Большой Камень, которое поставило своим демографическим ориентиром рост населения города на 33,7%. Примерно половина городов планируют повышение численности своего населения на 10–15%, остальные города — в пределах 5%. Город Тында ожидает незначительное

(на 0,4%), но тем не менее снижение численности своего населения. В среднем же по городам — участникам рост численности населения предусмотрен в размере 8,1%.

Представляет интерес сравнение планируемых значений численности населения, установленных в мастер-планах, с аналогичными параметрами, заложенными в стратегиях социально-экономического развития городов, так как, согласно действующему законодательству, именно стратегия является основным документом стратегического планирования, определяющим цели и направления развития муниципальных образований, и принятие мастер-планов это положение не отменяет. На рис. 2 представлено такое сопоставление.

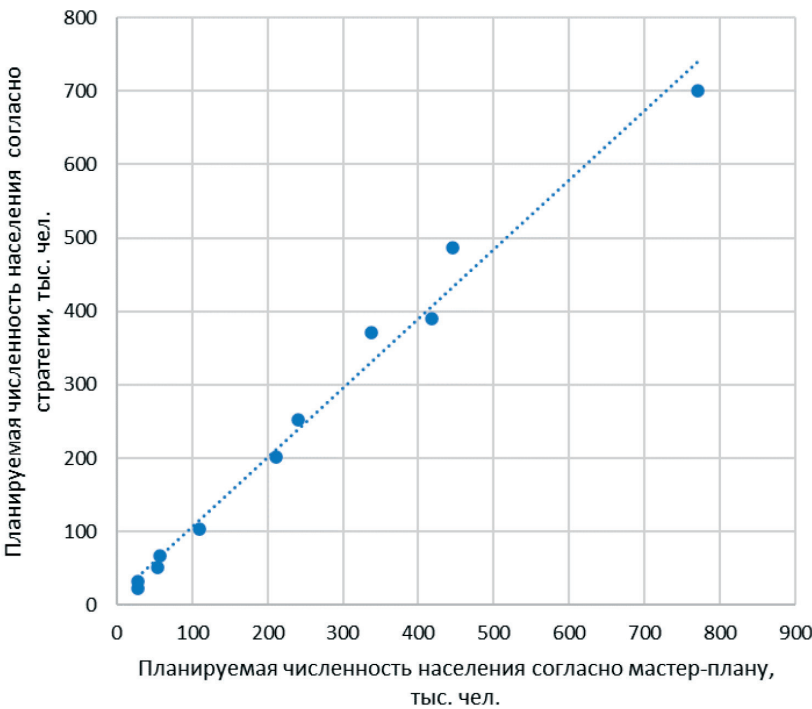

Рис. 2. Сопоставление планируемой к 2030 г. численности населения, предусмотренной мастер-планами и стратегиями социально-экономического развития

Fig. 2. Comparison of the planned population by 2030, envisaged by master plans and socio-economic development strategies

Как видно на рис. 2, планируемые значения численности населения на 2030 г. по мастер-планам и стратегиям близки, но всё же наклон линии графика меньше чем в 45° говорит о том, что запланированные в мастер-планах параметры численности населения в среднем выше, чем в стратегиях, примерно на 0,4%. В отдельных случаях отклонение составляет достаточно значительную величину. Так, например, в Северобайкальске планируемая численность населения по мастер-плану превышает планируемую чис-

ленность населения по стратегии на 16%, а в городе Большой Камень предполагаемая численность населения по мастер-плану меньше предусмотренной в стратегии на 14%. То есть при разработки мастер-планов осуществлялась определенная корректировка целевых показателей численности населения относительно закрепленных в стратегиях социально-экономического развития.

Если говорить о таком демографическом показателе, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, то можно отметить следующее. Мастер-планы практически всех городов в стратегическом разделе содержат планы увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении, за исключением города Большой Камень, в котором данный параметр предполагается постоянным (рис. 3).

Диапазон базовых значений параметра по состоянию на 2022 г. составляет от 67,3 года в Магадане до 75,2 года в Якутске. Среднее же значение — 69,5 года. Согласно планам, ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна повыситься в среднем на 4,8 года и, соответственно, достичь к 2030 г. величины в 74,3 года.

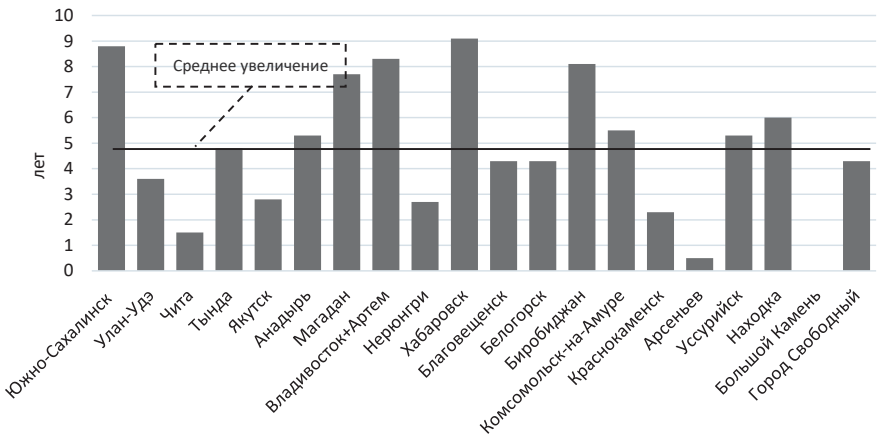

Рис. 3. Планируемое изменение ожидаемой продолжительности жизни за период 2022–2030 гг.

Fig. 3. Planned change in life expectancy for the period of 2022–2030

Только в четырех городах — Южно-Сахалинске, Якутске, Владивостоке и Хабаровске — планируется достичь к 2030 г. величины ожидаемой продолжительности жизни, соответствующей национальной цели развития, — 78 лет.

Из всех перечисленных в Концепции демографической политики Дальнего Востока (и перечисленных выше) направлений в мастер-планах не нашло своего отражения только развитие сети структурных подразделений ведущих государственных университетов с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Остальные, в той или иной степени, представлены в общем массиве комплексных планов. Но только в общем, так как мероприятия по некоторым направлениям не запланированы в отдельных городах. Так, например, строительство или модернизация объектов

здравоохранения не запланированы в Южно-Сахалинской агломерации, городах Чите, Северобайкальске, развития образовательной инфраструктуры не предусмотрено в Тынде, Анадырской городской агломерации, объектов культуры — в Северобайкальске, Нерюнгри и т. д. Подчеркнем, что отсутствие развития подразумевается в рамках рассматриваемых мастер-планов, что не исключает осуществления мероприятий в рамках других программ и проектов.

В массиве предусмотренных мероприятий обращают на себя внимание достаточно существенные диспропорции в их масштабах. Так, по направлению «Образование» это мероприятия в диапазоне от строительства межвузовских кампусов мирового уровня (Улан-Удэ, Якутск) до установки оборудования в лингафонном кабинете одной из гимназий (Находка), по направлению «Здравоохранение» — от строительства здания многофункционального лечебно-реабилитационного центра с организацией санаторно-курортного лечения до замены 9 автомобилей скорой помощи, по направлению «Спорт» — от строительства стадионов (Нерюнгри, Северобайкальск), ледовых спортивных комплексов (Находка) и подобных крупных спортивных и оздоровительных объектов до создания малобюджетных уличных плоскостных сооружений (фактически простейших уличных спортивных площадок) (Владивостокская городская агломерация).

Представляется, что необходимо установить определенный минимальный уровень масштаба проектов при включении их в программы с федеральным участием.

Проекты, представленные в мастер-планах, существенно различаются также по степени детализации. В одних случаях приводятся конкретные объекты с их адресами и примерными размерами (например, количеством мест в планируемых к строительству школах, детских садах, организациях здравоохранения) и с указанием вида работ (строительство, капитальный ремонт и т. п.), в других фигурируют не вполне определенные понятия «кампус», «„точка притяжения“ креативных индустрий», детские технопарки без указания размеров (количества зданий в проектируемом кампусе, количество учебных мест и т. д.) с применением понятия «создание», не допускающего однозначного толкования.

При анализе сроков начала реализации мероприятий, включенных в комплексные планы развития городов, обращает на себя внимание наличие среди них 2023 г., при том что основная часть комплексных планов была утверждена Правительством РФ только 29 декабря 2023 г. Вероятно, имеет место включение такого рода мероприятий в комплексные планы постфактум. Показательным примером в этом плане является строительство в городе Магадане нового пассажирского терминала международного аэропорта «Сокол». Строительство этого объекта было предусмотрено Стратегией развития Магаданской области на период до 2030 г.¹, принятой еще в 2020 г., старто-

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Магаданской области от 5 марта 2020 года № 146-пп // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/561763699?ysclid=mamnre62qo984791979> (дата обращения: 01.06.2025).

вало в начале 2023 г. и завершилось в конце 2024 г. Тем не менее данное мероприятие включено в комплексный план развития города Магадана, утвержденный упомянутым выше распоряжением Правительства РФ, принятым в самом конце 2023 г., когда строительство объекта шло уже полным ходом.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что принятые комплексные планы социально-экономического развития дальневосточных городов не в полной мере учитывают положения иных документов стратегического планирования: имеют место расхождения по ряду целевых показателей демографического развития, включение в планы уже запланированных (а иногда и уже реализуемых) мероприятий.

Заключение

Стратегическая направленность на рост населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, продекларированная в мастер-планах дальневосточных городов, соответствует государственным стратегическим и концептуальным установкам. При этом планируемые показатели ожидаемой продолжительности жизни только в четырех городах достигают значений, установленных в национальных целях развития.

Целевые показатели в мастер-планах в ряде случаев существенно отличаются от аналогичных показателей в действующих документах стратегического планирования как муниципального, так и федерального уровня. Это ставит вопрос о возможных корректировках целевых показателей в этих документах с целью приведения в соответствие с мастер-планами.

При отсутствии в мастер-планах прямых мер демографической политики не следует ожидать значительных эффектов в ближайшие годы, а некоторые целевые показатели в отдельных случаях (например, рост ожидаемой продолжительности жизни на 8–9 лет или рост численности населения более чем на 30% в оставшиеся 6 лет реализации планов) представляются завышенными.

В массиве предусмотренных в мастер-планах мероприятий обращают на себя внимание достаточно существенные диспропорции по масштабам (от крупных проектов, предполагающих строительство нескольких зданий, крупных специализированных сооружений, до оборудования лингафонного кабинета или приобретения нескольких спецавтомобилей) и по степени детализации (от четко обозначенных типов объектов с адресной привязкой и описанием вида планируемых работ до объектов и работ на них, не допускающих однозначного толкования). Целесообразно установить общие правила представления объектов в мастер-планах, особенно в случаях привлечения федерального финансирования.

Список литературы

- Абрамов А. П., Супрун А. Ю., Пашутко Д. С. 2023. Освоение дальневосточных территорий России: от истоков к современным реалиям // Известия Юго-Западного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 13. № 6. С. 200–212. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-200-212>

- Авдеев Ю. А., Ушакова В. А. 2023. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 1. С. 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_24
- Бессонов И. С., Ситов Д. А., Чечина О. С. 2024. Стратегические перспективы развития регионов Дальневосточного федерального округа в меняющихся макроэкономических условиях // Вестник евразийской науки. Т. 16. № 6. <https://esj.today/PDF/44ECVN624.pdf>
- Герцберг Л. Я. 2023. Является ли мастер-план эффективным инструментом развития территорий в России? // Academia. Архитектура и строительство. № 2. С. 5–14. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2023-2-5-14>
- Грицко М. А. 2024. Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: вклад естественной компоненты в 2022–2024 гг. // Регионалистика. Т. 11. № 5. С. 126–141. <http://doi.org/10.14530/reg.2024.5.126>
- Евсеев С. В., Комарова Т. Л., Мицкая Е. В. 2024. Мастер-план как документ стратегического развития в Российской Федерации // Теория государства и права. № 2-1 (37). С. 59–66.
- Ильина И. Н. 2024. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смыслов или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 84–109. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109>
- Ключевые инструменты управления развитием территорий: генеральные планы или мастер-планы (Круглый стол, 02.11.2023) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 110–123.
- Кремлев Н. Д. 2025. Народосбережение как стратегический фактор, влияющий на экономическое поведение населения // Статистика и экономика. Т. 22. № 22. С. 26–37.
- Лада А. С. 2018. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. № 4 (85). С. 21–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31>
- Латкин А. П. 2024. Управленческие аспекты реализации государственной программы по повышению транспортной доступности населения Дальнего Востока в контексте развития его демографического потенциала // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4 (80). <https://eee-region.ru/article/8010/> (дата обращения: 01.06.2025).
- Мищук С. Н. 2022. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 2. С. 151–161. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.1>
- Пуртова О. П. 2018. Демографическая политика как часть политики социальной // Матрица научного познания. № 2. С. 22–29.
- Симагин Ю. А. 2021. Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 17. № 2. С. 228–234. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6>
- Томских А. А. 2024. Городские поселения Дальнего Востока в итогах десятилетнего приоритета демографии // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 30. № 3. С. 49–57. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57>

- Фоменко Н. М., Арбузова Т. А. 2023. Выбор стратегического целевого индикатора развития социально-экономической системы крупнейших городов России органами публичного управления // Вестник Евразийской науки. Т. 15. № s3. С. 1–11.
- Шмидт Ю. Д., Ивашина Н. В. 2021. Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в дальневосточном регионе // Экономика региона. Т. 17. Вып. 3. С. 902–916.
- Isaacs K. P., Choudhury Sh. 2021. The growing gap in life expectancy by income: recent evidence and implications for the social security retirement age // Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/misc/R44846.pdf>
- Khadour N., Fekete A., Sárospataki M. 2023. The role of the master plan in city development, Latakia master plan in an international context // Land. No. 12. Pp. 1634. <https://doi.org/10.3390/land12081634>
- Zaidan E., Abulibdeh A. 2020. Master planning and the evolving urban model in the gulf cities: principles, policies, and practices for the transition to sustainable urbanism // Planning Practice & Research. No. 36 (2). Pp. 193–215. <https://doi.org/10.1080/02697459.2020.1829278>

References

- Abramov, A. P., Suprun, A. Yu., & Pashutko, D. S. (2023). Development of the Far Eastern territories of Russia: From the origins to modern realities. *Proceedings of the Southwestern University. Series: Economics. Sociology*, 13(6), 200–212. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-200-212> [In Russian]
- Avdeev, Yu. A., & Ushakova, V. L. (2023). Demographic challenges or why the demographic policy of the Far East does not lead to the desired result. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 19(1), 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24 [In Russian]
- Bessonov, I. S., Sitov, D. A., & Chechina, O. S. (2024). Strategic prospects for the development of the regions of the Far Eastern Federal District in changing macroeconomic conditions. *The Eurasian Scientific Journal*, 16(6): 44ECVN624. <https://esj.today/PDF/44ECVN624.pdf> [In Russian]
- Gertsberg, L. Ya. (2023). Is the master plan an effective tool for the development of territories in Russia? *Academia. Architecture and Construction*. No 2, 5–14. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2023-2-5-14> [In Russian]
- Gritsko, M. A. (2024). Demographic dynamics in the Russian Far East: The contribution of the natural component in 2022–2024. *Regionalistica = Regionalistics*, 11(5), 126–141. <http://doi.org/10.14530/reg.2024.5.126> [In Russian]
- Evseenkova, S. V., Komarova, T. L., Mitskaya, E. V. (2024). Master plan as a document of strategic development in the Russian Federation. *Theory of State and Law*, 2-1(37), 66–72.
- Il'ina, I. N. (2024). Changing the approach to urban master planning: Transformation of meaning or name change. *Public Administration Issues*, 1, 84–109. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109> [In Russian]
- Key tools for managing territory development: General plans or master plans (round table meeting, November 2, 2023). *Public Administration Issues*, 2024, 1, 110–123. [In Russian]
- Kremlev, N. D. (2025). Conservation of people as a strategic factor influencing the economic behavior of the population. *Statistics and Economics*, 22(22), 26–37. [In Russian]

- Lada, A. S. (2018). Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, 4(85), 21–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31> [In Russian]
- Latkin, A. P. (2024). Managerial aspects of the implementation of the state program to increase transport accessibility of the population of the Far East in the context of the development of its demographic potential. *Regional economy and Management: Electronic Scientific Journal*, 1(80). Retrieved June 1. 2025, from <https://eee-region.ru/article/8010/> [In Russian]
- Mishchuk, S. N. (2022). Institutional structure for ensuring migration policy in the subjects of the Far Eastern Federal District. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(2), 151–161. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.1> [In Russian]
- Purtova, O. P. (2018). Demographic policy as a part of social policy. *The Matrix of Scientific Knowledge*, 2, 22–29. [In Russian]
- Simagin, Yu. A. (2021). Demographic security of the Far Eastern geostrategic territories of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 17(2), 228–234. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6> [In Russian]
- Tomskikh, A. A. (2024). Urban settlements of the Far East in the results of the ten-year priority of demography. *Transbaikalian State University Journal*, 30(3), 49–57. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57> [In Russian]
- Fomenko, N. M., & Arbutova, T. A. (2023). Selection of a strategic target indicator for the development of the socio-economic system of Russia's largest cities by public authorities. *The Eurasian Scientific Journal*, 15(s3), 1–11. [In Russian]
- Shmidt, Yu. D., & Ivashina, N. V. (2021). Assessment of migration policy measures implemented in the Russian Far East. *Economy of Regions*, 17(3), 902–916. [In Russian]
- Isaacs, K. P., & Choudhury, Sh. (2021). The growing gap in life expectancy by income: Recent evidence and implications for the social security retirement age. *Congressional Research Service*. <https://sgp.fas.org/crs/misc/R44846.pdf>
- Khadour, N., Fekete, A., & Sároszaki, M. (2023). the role of the master plan in city development, Latakia master plan in an international context. *Land*, 12(8), 1634. <https://doi.org/10.3390/land12081634>
- Zaidan, E., & Abulibdeh, A. (2020). Master planning and the evolving urban model in the Gulf cities: Principles, policies, and practices for the transition to sustainable urbanism. *Planning Practice & Research*, 36(2), 193–215. <https://doi.org/10.1080/02697459.2020.1829278>

Информация об авторе

Раиса Николаевна Шпакова, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры регионального управления и национальной политики, Московский государственный институт международных отношений, Одинцовский филиал, Москва, Россия
production2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9916-0113>

Information about the author

Raisa N. Shpakova, Cand. Sc. (Geo.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Management and National Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) — Branch in Odintsovo, Moscow, Russia
production2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9916-0113>